

Архив ЛГ

К 60-летию со дня рождения Виль Липатова

Пока писатель жив, пока работает, читателей и критиков интересует главным образом, что он написал, хороша или плоха новая книга, каковы его творческие планы. Когда же он уходит с «этой теплой и круглой земли» (так любил повторять Виль Липатов), возникает желание узнать и о том, каким он был человеком.

Пожалуй, ничто не приоткрывает личность писателя так, как его письма, особенно если это письма близкому человеку.

Трудно было решиться на публикацию именно таких писем из семейного архива Виль Липатова — его писем отцу. Дело в том, что сын ни дня не жил рядом со своим отцом Владимиром Николаевичем Липатовым, журналистом по профессии. И хотя любовь к нему была привита матерью с детства, отношения сына и отца складывались непросто.

Вот самое первое, детское письмо отцу, датированное 12 апреля 1937 года:

НА ЭТОЙ ТЕПЛОЙ
И КРУГЛОЙ ЗЕМЛЕ...

Из писем к отцу

«Папа! Я очень рад, что ты жив и что мы тебя нашли. Мне хочется с тобой познакомиться, а потому я пишу тебе о себе. Я учусь в третьем классе. Учусь хорошо. Я — пионер. Живу в Биракане с мамой и бабушкой. Напиши мне про Архангельск.

Если ты мне не ответишь, я больше не напишу. С приветом Вилья.

Ответа не было. Прошло почти десять лет, прежде чем отец с сыном обменялись письмами. Сын писал:

«Отец!

Прости меня, но я долго думал, как мне назвать тебя. Я не привык произносить слово «отец». Но, как бы то ни было, я рад, что нашел тебя. Вот и получил от тебя письмо... Кратко отвечу на твои вопросы.

Ты немножко неправильно меня представляешь, если можешь спрашивать, филателист ли я и интересуюсь ли сказкой про белого медведя... Мне двадцатый год... Яхтой, к сожалению, управлять не умею: наш Колпашевский район никакими морями и океанами не омывается, а представляет собой «медвежий угол»; рыбу ловят не удочкой, а неводом, уловом меньше центнера не удовлетворяются...

Дневник не веду; впечатления бедны, а мысль использовать мои записи «для мира» смешна.

Наизусть стихи знаю, но, спасибо, не триста.

О войне писал тоже. Только я считаю неискренним писать о том, что не пережито. Но литературой занимаюсь серьезно (или так мне кажется) и ни в коей мере не думаю сдаваться...

Получаю математическое образование — это не случайно: поэт-неврастеник, «бледный поэт» — пережиток прошлого. В этом мне очень близок Маяковский, которого люблю и знаю. Вместе с тем, что странно, я поклонник Есенина. Хлебников — «чародей путаного стиха» — покоряет своим бескорыстным отношением к искусству, но и только...

Я представляю тебя сидящим в кабинете редакции журнала и безжалостно зачеркивающим плохонькие труды «молодых». Но я не боюсь твоей критики моих начинаний, ибо знаю, что ты критикнешь от души, а мое дело — все на ус мотать.

Жду от тебя с нетерпением ответа. Мне так много даст общение с тобой. Твой мир в моем представлении пропитан духом литературы...

23.9.46 г., пос. Тогур».

И вновь многолетнее молчание. Возобновляется переписка в 1954 году после первой их встречи в Ульяновске, где жил в то время Владимир Николаевич. Виллю Липатову было тогда 27 лет.

«Батько!

О путешествии по Москве рассказывать не стану. Ты ее знаешь лучше меня. Где были? Везде были! Где не были? Очень много, где не были! Вот и все! Томск меня встретил радостно:

— Выправь-ка статью, беги-ка на завод, а то завтра в командировку поедешь...

Первый день в Томске прошел однообразно: сто раз рассказывал ребятам, как встретил в СП Константина Федина...

...Главное для меня то, что окончательно решен вопрос о моей поездке на съезд молодых писателей. Он состоится в ноябре. Поэтому я сейчас усиленно готовлюсь к съезду. И что мучительно, батька, чувствую себя с каждым днем все более и более неуверенным. Но это пройдет быстро. Я просто отвык за отпуск от письменного стола.

1954 г. Томск. Обнимаю. Вилья.

С этого времени переписка становится более или менее регулярной.

«Дорогой батя!

Прости — долго не писал после телеграммы: приехал, опять немного болел, то да се. Сейчас самочувствие отличное. Вплотную сел за работу. Ты, кажется, не знаешь, что в третьей книжке «Нового мира» идет моя новая повесть «Черный Яр». Трудно сказать, как ее оценит критика, но я ее не считаю большим шагом вперед.

Ты мне писал о «моде» и истинном пути писателя. Я с тобой совершенно согласен, и мое счастье в том, что разные модные веяния благополучно проносятся над моей головой...

Собираюсь написать большую вещь о шоферах такси. Народ это «балабаны», вороватый и здорово подпорченный деньгой. Вот я и думаю в эту обстановку поместить хорошего, честного парня. Пусть разнесет в пух и прах их традиции и прочее.

У нас с утра до вечера ярится солнце и — ни снежинки. Я гуляю по улицам мерным, солидным шагом...

23.4.63 г. Чита. Крепко обнимаю тебя. Твой сын Вилья.

«Дорогой батько!

Что произошло? Я был участником июньского Пленума ЦК и три дня подряд звонил тебе в Ульяновск. Звонил и в семь утра, и в двенадцать вечера, но безрезультатно.

Каковы мои новости... Ну, о «Черном Яре». Повесть, конечно, очень недоработана и причиной тому мое гадкое зимнее состояние... Сейчас я почти наово переделываю вещь, и она пойдет в «Ромен-газете».

Написал еще одну повесть — «Смерть Егора Сузуна», которая лучше и цельнее «Черного Яра». Хочешь, пришлю! Это о старике-пенсционере.

Сейчас я усиленно работаю над новой вещью. Что будет — сказать трудно, но за успех — мое состояние. Работаю каждодневно, терпеливо и т. д. Ты поймешь, о чем повесть, если читал в «Лит. газете» мою корреспонденцию «Конец карьеры», которую я написал во время Пленума ЦК. Вопрос очень интересный и важный.

Люблю от всей души А. Евтихиева. Он при тебе был секретарем горкома партии Читы. 17 лет отсидел, но остался чистым и идейным коммунистом. Отличный человек!

Твои письма изучаю. Что касается твоего рассказа о том, как раньше ездили на перегоне Андриановка — Седлово, то уже использовал. Так что держи ухо остро — знай, кому пишешь!

13.7.63 г. Чита. Крепко обнимаю тебя — Вильяка.

«Дорогой батя!

Был в Дубне. Свои научные изыскания после Дубны я продолжил в Ленинграде. Мой доклад на ленинградском совещании писателей, работающих над книгами о рабочем классе, очень оживлялся тем, что время от времени я вынимал из кармана парочку тяжелых ионов и спрашивал: «Разумеете?»

Большой эффект!

Ты сам, конечно, понимаешь, что занятия теоретической физикой весьма оживляют мою жизнь... Недавно завел собаку по имени Жулька... Спит Жулька, положив голову на подушку — очень культурная!

Пока она спит, я пишу книгу за книгой. Зри в 10-м «Октябре» мою шикарную пьесу «Земля не на китах». Отработав ровно два года в «Советской России», теперь обратно свободный художник...

Я узнал от ульяновцев, что ты прыгаешь частенько по коридорам редакции — значит, все хорошо!

28.11.66 г. Брянск. Твой Вильяка.

Пьесу нигде не поставят. Во-первых, потому что она плохая, во-вторых, потому что... плохая. Но я осваиваю жанр.

«...Как я живу? Много работаю, мало читаю, но слушаю радио. Одним словом, обычная жизнь пишущей братии. С моим новым постом — секретарь правления Союза писателей РСФСР — прибавилось много посторонней работы... В августе мне вообще придется сесть в кресло на Софийской набережной, чтобы возглавить работу среди молодежи писательской России, а это бесконечные командировки...

...Я совсем разучился писать пером! А какой у меня раньше был роскошный почерк! Ух ты!

Москва, 70 г. Вильяка.

Когда Виль Липатов перебрался в Москву, длинные письма (а они действительно длинные и здесь даны в значительном сокращении) превратились в краткие поздравительные открытки: переписку заменили частые телефонные разговоры. По телефону обсуждались и все повести и рассказы об Анискине, и «Сказание о директоре Прончатове», и «Серая мышь», а позже — первый роман «И это все о нем...». Каждая новая книга немедленно отсылалась отцу. Несмотря на принятый между сыном и отцом шуточный тон, который был задан еще перепиской, Виль Липатов дорожил мнением отца, болезненно реагировал на его замечания.

— Это говорит трижды нелауреат Государственной премии. Готов воспринять очередную порцию критики, — так обычно начинал разговор с отцом Виль Липатов.

Не довелось прочесть Владимира Николаевичу лишь три последние крупные вещи: «Игорь Саввович», «Житие Ванюшки Мурзина...» и «Повесть без названия, сюжета и конца...».

После смерти Владимира Николаевича письма Виль Липатова вернулись к нему. Писем много, целая стопка.

Как объяснить, что отец, десятилетиями не отвечавший на детские письма сына, так бережно сохранил их все до единого? Журналистской привычкой беречь любую исписанную бумажку? Или все-таки отцовской любовью, гордостью за сына, который так хотел стать писателем и стал им?

Публикация Т. В. ЛИПАТОВОЙ